

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-257-261

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «„ПРОСНУТЬСЯ ЗНАМЕНЫТЫМ...“: СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО УСПЕХА И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ В ЭПОХУ FIN DE SIÈCLE»

5–6 октября 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Международная научная конференция «„Проснуться знаменитым...“: Стратегии литературного успеха и литературная репутация в эпоху fin de siècle». С приветственным словом к участникам обратилась заведующая Отделом новейшей русской литературы А. М. Грачева. Во вступительном слове председатель оргкомитета А. С. Александров отметил, что намеченные заседания продолжают научную дискуссию, начатую в прошлом году в рамках конференции «Литературная критика в массовых периодических изданиях 1890–1920-х годов: жанры, приемы, авторы», на которой участники обсуждали вопросы, так или иначе связанные с заметным и своеобразным явлением литературного процесса начала XX века — «фельетонной критикой».¹ Основной заголовок конференции не случаен, он отсылает нас все к тем же критикам-фельетонистам: в 1894 году небольшая серия стихотворений В. Я. Брюсова была напечатана в сборнике, вышедшем под заглавием «Русские символисты». Этот первый выпуск «Русских символистов» так же, как и последовавшие вскоре два других (1894 и 1895), взбудоражили информационное пространство: в газетах замелькали рецензии, заметки, пародии. Брюсов в своем дневнике вспоминал: «Имя „Валерий Брюсов“ вдруг сделалось популярным <...> и чуть ли не нарицательным. Иные даже хотели видеть в Валерии Брюсове лицо коллективное, какого-то нового Козьму Пруткову, под которым скрываются писатели, желающие не то вышутить, не то прославить пресловутый в те дни „символизм“. Если однажды утром я и не проснулся „знаменитым“, как некогда Байрон, то, во всяком случае, быстро сделался печальным героем мелких газет и бойких, неразборчивых на темы фельетонистов».²

¹ См.: *Александрова Э. К., Александров А. С.* Фельетонная критика конца XIX — начала XX века: Проблемы изучения (Обзор научной конференции ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) // *Филологические науки: Научные доклады высшей школы.* 2020. № 3. С. 127–136.

² *Брюсов В.* Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза / Сост., подг.

Неслучаен и выбор временного периода для анализа предложенных вопросов — рубеж веков. С бурным расширением информационного пространства начиная с конца XIX века, развитием рынка свободной печати, ростом тиражей ежедневных массовых изданий, повышением их авторитета и значения традиционные способы оценки художественных произведений (такие, как обстоятельная рецензия, обзорная статья в «толстом журнале») отходят на второй план. Особое значение в начале XX века приобретает информационный шум, сам факт обсуждения, и не важно, хвалят ли писателя, его произведение, постановку или ругают, а многие механизмы обретения популярности и даже формирования культа, зародившиеся в этот период, можно отчетливо наблюдать в более поздние эпохи вплоть до нашего времени.

Открывал конференцию К. Ю. Зубков (Санкт-Петербург). В своем докладе «Академик А. В. Никитенко в поисках нигилистов: литературные премии, радикальные демократы и русская драматургия в 1870-е годы» исследователь обратился к институтам, способствовавшим формированию литературной репутации в России 1870-х годов — редакциям журналов, литературным премиям и критике. Анализируя награждение Д. Минаева Уваровской премией за пьесу «Разоренное гнездо» (другое название — «Спелая песня», 1874), докладчик показал, что и вручившие награду академики, и осуждавшие их за это радикальные критики исходили из устаревшего концептуального аппарата, восходившего к спорам о «нигилизме» 1860-х годов и неадекватного для литературной ситуации следующего десятилетия.

В продолжение темы премирования А. С. Кириллова (Рязань) прочла сообщение «Литературная и театральная полемика вокруг пьесы П. П. Гнедича „Перекасти-поле“ в конце XIX века». Пьеса стала ярким примером неоднозначной критической оценки одного произведения и литературным, и журнально-газетным, и театральным сообществами. С одной стороны, пьеса получила признание в виде Грибоедовской премии от Общества рус-

текста, послесловие и комм. В. Э. Молодякова. М., 1994. С. 74.

ских драматических писателей в 1890 году, с другой — подавляющее большинство критиков охарактеризовали «Перекапти-поле» как «безвкусную и бесталанную вещь», «жалкий вздор», на который не стоило бы тратить силы талантливых актеров и испытывать терпение публики. При этом очевидно, что постановка пьесы, в частности в Малом театре, произвела большое впечатление и имела немалый успех. Современники объясняли это парадоксальное явление скандалом, связанным с образом князя Ханькова-Алсуфьева, напомиавшим Л. Н. Толстого.

Необычайный писательский успех, граничащий с «прижизненной канонизацией», стал предметом исследования целого ряда участников конференции. В докладе С. А. Ипатовой (Санкт-Петербург) «„Геростратово деяние“ как эффективная формула литературного успеха: антифеиана» речь шла о направленном пародическом «конструировании» негативной литературной репутации А. А. Фета начиная с 1860-х годов и вплоть до конца века, когда в полемике о назначении поэта в общественной жизни, которую вели «утилитаристы» против направления «чистого искусства», именно поэзия Фета стала основным объектом критического неприятия, осмеяния и остракизма в многочисленных злобных пародиях, в основном знаменитого версификатора и «короля рифмы» Д. Д. Минаева.

В выступлении В. Н. Крылова (Казань) «Литературная критика конца XIX — начала XX века о феномене писательского успеха М. Горького» было подчеркнuto, что уже в ранних критических откликах формируется своего рода миф: Горький обязан успехом тому, что возвел на пьедестал босяка (маргинала). Опережая академическую историю литературы, критика начинает воспринимать Горького как «живого» классика через частые сравнения с классиками XIX века и признанными писателями-современниками, закладывая основу для его ранней канонизации. Для понимания успеха Горького важно принять во внимание, что горизонт ожидания читателей приближался к горизонту ожиданий автора. Как реакция на успех в конце 1890-х — начале 1900-х годов появляются фельетоны, в которых высмеивались крайности, преувеличения критики о Горьком, метонимическое перенесение биографии на творчество. Они могут быть рассмотрены и как обратная сторона его невероятной популярности.

В докладе Г. Н. Боевой (Санкт-Петербург) «„Итак, я хочу быть известным, хочу приобрести славу...“: стратегии литературного успеха Леонида Андреева» в свете идей Р. Барта об истории письма, отражающего психоисторические и антропологические запросы времени, и теории П. Бурдьё о поле литературы были проанализированы стратегии успеха Леонида Андреева на фоне «борьбы агентов» реализма и модернизма. Было показано, что писателю удалось максимально присвоить разные виды «капитала», а именно: экономического (тиражи, гонорары, собрания сочинений), куль-

турного (признание большей частью профессионального сообщества), социального (сотрудничество сначала в газете «Курьер», затем — в издательстве «Знание» и альманахе «Шиповник», в конце жизни — в газете «Русская воля»), наконец, символического (феноменальная прижизненная слава). Особое внимание было уделено «капитализации» Андреевым юридического образования и его опыта работы судебным хроникером.

Двухтомному изданию Павла Муратова «Образы Италии» (1911–1912) посвятила свое выступление И. В. Ваганова (Ярославль) «„Читаю теперь „модного“ Муратова...“: неожиданный успех „Образов Италии“ П. П. Муратова в восприятии современников». Книга, ставшая, по мнению читателей начала XX века, «лучшим спутником в блуждании по Италии», способствовала появлению в литературно-художественной среде понятия «муратовского чувства Италии», многогранного, емкого и весьма современного термина «образы Италии».³ А споры о жанре книги, так же как и о причинах ее внезапного и ошеломляющего успеха, как отметила исследовательница, не прекращаются до сих пор.

Доклад В. Э. Молодыхова (Япония) «„Фанфары оркестра Муз“: поэзия и поза Джорджа Сильвестра Вирека глазами американской критики 1900-х годов» был посвящен творчеству самой яркой звезды американского декадентства начала XX века. Этнический немец, с детства живший в США, Вирек (1884–1962) не просто дебютировал стихами, написанными на немецком языке, но сумел привлечь к себе внимание американской критики, оценившей феномен поэта, воспитанного в традиции английского языка, но пишущего на — немецком. Оставив язык предков и вознамерившись, по его словам, «стать американским классиком», талантливый поэт и мастер самопиара книгой стихов «Ниневия» (1907) вызвал оживленную полемику в прессе, не всегда состоявшую из похвал, но привлек к себе внимание таких видных литераторов эпохи, как Дж. Хьюнекер и Р. Ле Гальенн, У. Брэдли и П. Поллард, Р. Гилдер и Л. Унтермейер, а также Г. Мюнстерберг и Э. Синклер. Реакция в целом консервативной американской критики и читающей публики на декадентские стихи в середине 1900-х годов радикально отличалась от реакции русской критики и публики на декадентские опыты К. Бальмонта и В. Брюсова десяти-

³ При обсуждении доклада было упомянуто, что термин «образы Италии» был положен в основу названия конференции, проходившей в Пушкинском Доме в 2012 году. Коллективный труд, основанный на ее материалах, посвящен восприятию образов Рима и Италии в русской философской и народной мысли, искусстве и литературе начиная с XIII века. См.: Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме / Отв. ред. А. Б. Шишкин. СПб., 2014 («Россия — Запад — Восток»: Литературные и культурные связи; вып. 2).

тилетием раньше, подчеркнул в заключение докладчик.

Явлению, противоположному писательскому успеху, также было уделено внимание докладчиков. В выступлении Ю. Б. Орлицкого (Москва) «„Предтеча безвестных гармоний“». Несколько размышлений о феномене Ивана Лялечкина» была рассмотрена уникальная литературная судьба поэта, вошедшего в петербургскую литературную и театральную жизнь в начале 1890-х годов и активно включившегося в разные сферы профессиональной деятельности: в 1893–1894 годах он выступает как поэт, переводчик (К. Мендеса, Ф. Петрарки, А. Шопенгауэра), литературный и театальный критик, участвует в подготовке антологий («4 времени года», антологии русской эротической поэзии, переводов Петрарки), попадает в состав знаменитой книги братьев Перцовых «Молодая поэзия» (1895) рядом с К. М. Фофановым, К. Льдовым, Д. С. Мережковским, Н. М. Минским, К. Д. Бальмонтом, В. Я. Брюсовым и отмечается в рецензиях А. М. Скабичевского и В. А. Шуфа. Лялечкин был убежденным сторонником нарождающегося русского символизма, о чем свидетельствует его переписка с Брюсовым, который высоко ценил его лирику и посвятил ему одно из стихотворений. Сохранились также его письма к начинающему Бунину, по отношению к которому Лялечкин выступает как наставник. Однако в возрасте 24 лет поэт умирает, и его имя надолго пропадает с горизонта.

Сообщение Л. В. Павловой и И. В. Романовой (Смоленск) было посвящено литературной судьбе Гервасия Ефремовича Псальмова (1848–1900). «Крестьянская» тема, доминирующая в его стихах, существенно отличается по своему содержательному и формальному решению как от кольцовской традиции XIX века, так и от «новокрестьянской» поэзии, уверенно привлекавшей к себе читателей в 1910–1920-е годы. При жизни Псальмова лишь несколько стихотворений были опубликованы в различных провинциальных периодических изданиях. В 1914 году, спустя более десяти лет после его смерти, вышло в свет Собрание сочинений. Однако время требовало иных поэтических откровений, имя поэта-самоучки из смоленской глубинки осталось неизвестным. Целенаправленное филологическое исследование творчества Псальмова началось в 2010-е годы, ряд наблюдений и выводов свидетельствуют о художественном своеобразии его поэзии, явившей собой своего рода «невыстроенный путь» развития так называемой крестьянской лирики в отечественной литературе.

Скандал, эпатаж и другие формы достижения сиюминутного успеха, как ни в какую другую эпоху, расцвели на рубеже веков. Ю. С. Ромайкина (Саратов) в докладе «Литературная репутация А. И. Куприна как автора сборника „Земля“» подчеркнула, что в 1908–1909 годах в прессе активно тиражировался смелый, скандальный образ писателя: «модные» темы пола и социальных пороков в опубликованных в «Земле» произведениях («Суламифь», «Яма») сочетались с вызывающим поведением автора, что обеспечивало скандальную репутацию как Куприну, так и печатавшему его тексты «Московскому книгоиздательству». В 1911 году благодаря публикации «Гранатового браслета» большая часть критиков признала реабилитацию таланта скандального автора. Читатели также становились участниками купринского мифотворчества: их мнение о литературных произведениях, отраженное в личных и открытых письмах, безусловно, влияло на формирование литературной репутации писателя. Активная реклама сборников «Земля» и цензурные проволочки, связанные с их изданием, также подогревали интерес к произведениям Куприна и обеспечивали коммерческий успех альманаху.

В целом ряде докладов были освещены личности писателей-символистов или — близких к символистским кругам, а также отдельные модернистские тексты. В. В. Филичева (Санкт-Петербург) в выступлении «Стратегия распространения первых книг Ф. Сологуба» рассказала о шагах, предпринятых писателем после выхода из печати первого сборника стихов («Стихи. Книга первая». СПб., 1896). Действия Сологуба удалось проследить благодаря реестру входящей/исходящей корреспонденции (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 81). В течение декабря 1895 — марта 1896 года издание было разослано более чем в 60 редакций журналов и газет для отзыва, а также в 40 книжных магазинов; помимо этого, частным лицам, в училища, библиотеки и книжные магазины отправлялись объявления о выходе книги. Однако все это не привело к желаемому результату, и после сразу трех изданий, отмеченных 1896 годом (также «Тени: Рассказы и стихи» и «Тяжелые сны»), Сологуб не выпускал отдельных книг до 1904 года, публикуя прозу, стихи и статьи в периодических изданиях. Особое внимание исследовательница уделила географии распространения сборника, свидетельствующей о возможном расчете писателя на интерес провинциального читателя.

В докладе Н. Ю. Грякаловой (Санкт-Петербург) «Статья И. Ф. Анненского „О современном лиризме“ как антимакиавеллизм, или На что обиделся Александр Блок...», методологически ориентированном на теорию литературного поля П. Бурдьё, в указанном ракурсе были рассмотрены отношение Блока к программным статьям журнала «Аполлон» и позиция редакции в целом. Поскольку статья Анненского не была завершена, а ее опубликованные части были выдержаны в памфлетном стиле, ниспровергающем статус уже признанных к 1909 году поэтов-символистов, то собственно программная сторона данного выступления была нивелирована и актуализировалась исключительно его полемическая часть. С учетом данных параметров «антимакиавеллиста» Анненского, а также на основе семанто-стилистического анализа отдельных фрагментов докладчица оценила реакцию Блока на

выступление, с одной стороны, в психологическом аспекте — как обиду на недружественный выпад старшего современника, с другой — как свидетельство изменений самого литературного поля и перераспределения сил внутри него.

Доклад А. А. Чабан (Москва) «„Стихи Нелли“ как мистификация и метарефлексия» был посвящен анонимной книге стихов В. Брюсова. Исследовательница остановилась не на мистификаторской составляющей сборника, а рассмотрела книгу как экспериментальную лабораторию, где мэтр подводит промежуточные итоги лирики 1900-х — начала 1910-х годов, пытаясь показать литературной обществу, какие образы и приемы из его стихов и произведений поэтов-современников прочно вошли в поэзию. Во-первых, это отмеченная исследователями и критиками стилизация наиболее ярких явлений поэзии 1910-х годов (эгофутуризм, женская поэзия), в рамках которой, во-вторых, избираются наиболее характерные, по мнению Брюсова, тематические открытия 1900-х: любовная тема реализуется во многом сквозь призму поэтики раннего Брюсова, тема города (в трагедийном аспекте) — через творчество Блока.

Выступление Е. А. Глуховской (Санкт-Петербург) «Книга стихов М. Шагинян „Orientalia“ (1913): стратегии работы с модернистским наследием в советское время» было посвящено истории первого литературного успеха Шагинян. После 1913 года «Orientalia» была переиздана несколько раз, дополняясь новыми стихотворениями. Анализ и сопоставление отзывов критиков на эти издания позволил выявить особенности восприятия поэзии Шагинян и характер их изменения в 1920-е годы, а также проследить, каким образом советские критики пытались адаптировать модернистское прошлое Шагинян к требованиям современной литературы.

В докладе А. С. Пахомовой (Эстония) «Куда плыли „Марсельские матросы“? (Литературная репутация М. А. Кузмина во второй половине 1910-х гг.)» была проанализирована история этого малоизученного объединения в контексте творчества и литературной репутации ее наиболее заметного участника. Сделаны наблюдения, уточняющие отношение Кузмина к литературным группам: не отвергая техническую общность приемов, писатель отрицательно относился к любым иерархиям внутри группы. Однако анализ творчества «матросов» Ю. Дегена и М. Вандаса позволяет сделать вывод, что основной моделью, бытующей в этом кружке, была именно ориентация на раннее творчество Кузмина. Создание объединения предстает как попытка поэта упрочить свою литературную репутацию, переживающую кризис в 1917 году, и как жизнетворческий проект, претворяющий в жизнь мечты о настоящем литературном братстве, сплотившемся перед лицом стихии.

С докладами также выступили Л. Г. Каяниди (Смоленск) — «„Сон Мелампа“ и визионерский опыт Вячеслава Иванова: к интерпре-

тации концепции тройственных браков» и Е. Л. Куранда (Санкт-Петербург) — «Как Осип Иванович проснулся Юрием Юркуном».

Особенности метафикциональной поэтики были рассмотрены Д. М. Бреслером (Санкт-Петербург) в выступлениях «Монтаж аттракционов, оперетт и эстрадных номеров: роман А. Н. Егунова „По ту сторону Тулы“ и проблема медиального статуса литературы в 1910–1920-е годы». Главный герой произведения одновременно вовлечен в события художественного мира и в процесс написания романа. Основные вопросы метафикциональной прозы, отчасти сформулированные Б. М. Эйхенбаумом, — как создаются художественные тексты и как быть писателем — весьма уточняются: роман Егунова совершает попытку определить возможности литературы как медиа в контексте новых для своего времени форм хранения и передачи информации (аудиовидеозаписи). В романе присутствует большое количество цитат из легких музыкальных жанров, оперетт и проч., передается опыт живого присутствия на конкретных постановках 1910–1920-х годов, опыт посещения парков и проч., — что позволяет проблематизировать свойства литературного текста в контексте музыки (звучания), телесности и визуальных образов, доступных человеку того времени.

Е. Е. Вахненко (Иркутск) в сообщении «Литературная личность А. М. Ремизова в стихотворных посвящениях современников» представила тематический обзор стихотворных посвящений Ремизову, отражающих специфику его жизнетворческих позиций. Корпус выявленных поэтических обращений к писателю составил 21 текст и принадлежит 16 авторам, входящим в его литературное окружение. Стихотворный портрет Ремизова уникален и узнаваем читателем, прежде всего, через поэтический диалог: обращение авторов к образам, темам и мотивам, раскрывающим общность художественного видения и мироустройства. Поэтическая рецепция образа Ремизова связана с особенностями художественного восприятия действительности (актуализация в творчестве мотивов страдания, боли, зла, жестокости); с репрезентацией писателем собственной личности в определенном ракурсе — как демонологической сущности (бесовское обличье, кикимора). В отдельных шуточных посвящениях звучит интерес к личности Ремизова и событиям его творческой биографии в контексте дружеского непринужденного общения.

В заданном ракурсе были рассмотрены писательские стратегии представителей литературы первой русской эмиграции. Е. Р. Обатнина (Санкт-Петербург) в своем докладе «Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией (избранные страницы альбома «Зарубежная цензура», 1923–1931)» остановилась на малоизученной проблеме авторской организации личного архива, методологии которой является прямым выражением писательской авторефлексии. Иллюстрацией к постановке вопроса послужил ремизовский альбом «Зару-

бежная цензура». В рукодельном конволюте были собраны рукописи произведений, не пропущенных в редакциях эмигрантских изданий, газетные вырезки с критическими откликами и письма редакторов — материалы, в которых писатель объективировал скрытую от внешнего мира реакцию на критику и различные стереотипы восприятия его творческого диапазона. Взаимная рецепция писателя и профессиональных читателей была продемонстрирована на примере специфического отбора для альбома критических отзывов, посвященных роману «Взвихренная Русь» (1927), которые выявляют несовпадение «горизонтов ожидания» как критиков, так и самого писателя. Особенно остро этот диссонанс проявился в статье И. Лукаша под названием «Мышиная Россия» (1927), оказавшейся за рамками альбома.

Э. К. Александрова (Санкт-Петербург) в сообщении «„Это отличный дебют“: К проблеме литературной репутации Г. Газданова после выхода романа „Вечер у Клэр“» подчеркнула, что издание вызвало широкий отклик у критики русского зарубежья. М. Осоргин, Г. Адамович, В. Вейдле, В. Ходасевич, М. Слоним, П. Пильский, К. Зайцев и др. выступили с рецензиями, в которых ставили автора на первое место среди писателей-младоземigrants, наряду с В. Набоковым. В то же время одна из главных особенностей сюжетного построения романа — «развертывание длинной цепи образов-ассоциаций», «серия воспоминаний, переходящих из одного в другое» — была воспринята как несомненное влияние М. Пруста. Однако, по позднему признанию самого Газданова, ко времени создания своего первого романа он еще не прочел произведений фран-

цузского модерниста. В выступлении были подняты вопросы о решении темы прустовского влияния в последующем творчестве Газданова, о способах преодоления и правомерности этого стереотипа его литературной репутации.

В докладе В. В. Шадурского (Великий Новгород) «Писатель Марк Алданов — борец и джентльмен» проанализированы ситуации, в которых М. А. Алданов проявлял качества политика, общественного деятеля и публициста, боровшегося с большевиками разными средствами в 1917 — начале 1920-х годов. Принципиальность, сильное волевое начало помогли Алданову реализоваться в художественном творчестве, а также поддерживать дружбу с И. А. Буниним. На материалах переписки писателей 1941–1953 годов автор доклада показал алдановское участие в жизни и поддержании репутации Бунина. Рассмотрены случаи оказания финансовой помощи, заботы о здоровье Бунина и атмосфере в его доме, сохранении его имени первого писателя эмиграции, а также редакторская работа и содействие публикации рассказов сборника «Темные аллеи», очерка «Русский Дон Жуан». Дано описание рискованных поступков Алданова ради сохранения дружбы.

По материалам двух конференций 2019 и 2020 годов планируется издать коллективный труд. Тема прошедшей конференции прокладывает связующую нить к заседанию следующего года, рабочее название которого — «Механизмы формирования литературных репутаций в конце XIX — начале XX века».

© Э. К. Александрова

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-261-266

ДЕВЯТЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ЗАЧЕРКНУТЫЙ ТЕКСТ В ПЕРСПЕКТИВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ»

7 октября 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялся Девятый научно-практический семинар «Зачеркнутый текст в перспективе художественного высказывания», в работе которого участвовали российские и зарубежные ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Екатеринбурга, КНР.

На семинаре, по традиции посвященном зачеркнутому тексту (в широком его толковании), были рассмотрены вопросы теоретического и практического плана. В том числе — проблемы, касающиеся форм, способов и функций зачеркиваний, используемых как в процессе работы над текстом, так и в качестве самостоятельного художественного приема (включая фигуры редукции — умолчание, эллипсис, монтаж, контаминация, неполное ци-

тирование и пр.). Также было продолжено начатое на предыдущем семинаре изучение проблематики писательских юбилеев в аспекте феномена «зачеркнутого». Научные заседания велись в смешанном (очном и дистанционном) формате. Одно из двух заседаний транслировалось на YouTube-канале Пушкинского Дома.

Первым — с докладом «Зачеркнутое и недосказанное в неопубликованном блокноте А. Платонова — корреспондента „Красной звезды“» выступил О. Ю. Алейников (Воронеж). Предметом его рассмотрения явились записи А. Платонова времен Великой Отечественной войны, обнаруженные в государственном архиве Воронежской области. В процессе текстологического исследования Алейниковым была уточнена датировка вводимого в научный оборот документа, расшифрованы сокращенные,